

*К 85-ЛЕТИЮ
Д.С. ЛЬВОВА –
ОСНОВАТЕЛЯ
ЖУРНАЛА:
УЧЕНИКИ
И СОРАТНИКИ
АКАДЕМИКА
ОБ ОСНОВАХ
И ГРАНИЦАХ
ЭКОНОМИКИ*

МЫСЛИМЫ

В.Г. Гребенников

Когда История ставит свои спектакли, она подбирает актеров под свой масштаб. Когда История отдыхает, спектакли ставят просто «люди». Спектакли эти любительские, и актеры для них отбираются под обычный человеческий размер, иначе говоря – мелочь.

* * *

Могут ли действия отдельного человека привести к грандиозным историческим последствиям, таким, например, как мировые войны? Нет! Человек, даже находясь на вершине огромной социальной машины, машины власти, не может стать причиной огромного события. Он всегда – молекула, муравей. Он – исполнитель. Но бывают исполнители великие и исполнители ничтожные.

* * *

Жизнь человека есть чудо. Разве не противоречит этому непосредственному и очевидному факту нашего опыта мысль о смерти как о химико-механическом разрушении тела, как о событии, в котором нет ничего чудесного, что является уделом, уравнивающим человека с амебой, даже с безжизненным камнем? Но если нет чуда человеческой жизни, значит, нет и чуда смерти, нет бессмертия.

Принцип собственности не создает «чужое», но придает ему способность быть украденным.

Режим собственности: право, не уравновешенное обязанностью. Режим коммунизма: обязанность, не уравновешенная правом (по мотивам Прудона).

Тайна собственности – не в содержании отношения, а в его форме. В собственности

© Гребенников В.Г., 2015 г.

нет ничего естественного, того, на что пытаются опереться концепции «трудового собственника» или «чувства собственника» ради возвеличивания собственности среди экономических мотиваций.

Собственность есть не воплощение свободы и не ее условие. Собственность есть ограничение свободы средствами свободы.

В собственности человек не *преживает*, он ее *имеет*. Вещь-собственность не захвачена жизнью, она предъявлена ей как что-то внешнее, незаполненное жизнью. Имение есть удержание вещи, но не через борьбу, не через завладение, а через метку, обозначение места, запечатленности лицом.

* * *

Интеллектуалы делятся на три группы: яйцеголовые (чья умственная деятельность – это в основном сублимация половой энергии); головоногие (голова – орган движения: по карьерной лестнице, беготни за деньгами и т.п.); русские интеллигенты. «Русский» в данном случае не означает этнической принадлежности, русским интеллигентом может быть и японец, и готтентот. Правда, в России они чаще встречаются, откуда и название. У русского интеллигента голова – орган эмоций. Точнее, голова и сердце – один и тот же орган или два дублирующих друг друга органа. Если негр «думает танцуя», то русский интеллигент думает сердцем, страдает или радуется головой.

* * *

Основа превращения возможности в действительность – принцип избытка. Основа превращения причины в следствие – принцип экономии. Расточительство возможностей – условие становления действительного. Кратчайший путь, минимум затрат – условие стабильности ставшего.

* * *

Покой – это не неподвижность. Это слитность, неразделенность. Покой – это абсолют.

* * *

Противоположностью высказывания «все ложно» является не «все истинно», а «только одно истинно». Противоположностью «все» является «одно», а не «ничего».

* * *

По мотивам Ницше. Поиск смысла – это поиск наличествующей вовне воли, поиск уже вложенной извне воли, вместо того, чтобы вкладывать ее самому. Это понятие «ради чего» не в себе, а в вещи, вне себя и не ради себя.

* * *

Не только и не столько охранителем, защитником, гарантом, но прежде всего источником права является сила, преимущество сильного или благородного. Право есть самоограничение власти, самоограничение способности к насилию, безнаказанному завладению, к жестокости. Это же относится и к инстинкту справедливости, который есть то же, что и инстинкт права. Перейдем от биологизма в трактовке «воли к власти», «силы сильного» и т.д. к социальной трактовке – и дело сделано. Уверенность в будущем против озабоченности будущим. Веселое против серьезного. Расточительство против накопительства.

* * *

Каждый отдельный человек есть копия однажды сделанных открытий, образец в последовательном ряду других «образцов». Но копии, одна за другой, не могут быть равнокачественными. Они постепенно тускнеют, размываются, слабеют. Род вырождается.

* * *

Вера – не противоположность знанию, точнее, она противоположность незнанию (как вообще противоположность чувства, «аффекта» нечувству, «разуму»). Вера есть противоположность чувству же, но другому – чувству деятельной причастности всему, чувству ответственности.

* * *

Главная роль, которую призван исполнять человеческий мозг (именно человеческий, этот венец биологической эволюции), – сдерживать, тормозить инстинктивные влечения. Это роль по преимуществу разрушительная, а не созидательная. Попутно мозг может быть употреблен и на другое, что обычно приписывают ему в качестве главного, например на изобретательность, мышление, искусство.

А для чего человеку дана совесть? Может быть, для ответа пригодится следующая сентенция: продолжение руки – меч (или плуг); продолжение мозга – компьютер (или деньги?); продолжение совести – наркотик (или арфа?). Грезится мне, что совесть и мозг – злейшие враги, но против страсти они действуют заодно, с той разницей, что мозг ее разрушает, усмиряет и т.д., а совесть – рафинирует, действует против ее естественной основы, первоизданной грубости, связи с «почвой». Праведники были величайшими страстотерпцами, доводя до экстаза, предельного эмоционального напряжения стремление избавиться от грубой телесности страсти, преодолеть (и превзойти) ее в отвлеченных мечтаниях. Допустим, так, но зачем, зачем? Мозг, понятно, нужен, чтобы человека не разорвали эмоции, и с этой задачей он более или менее справляется (пускаясь при этом на хитрые уловки, скажем, принимая роль «услужника страстей»). Какую позитивную функцию выполняет совесть (если принять, как и в случае с мозгом, что она дана человеку в конечном счете во благо)? Чтобы ни одна из противоборствующих сторон, «рацио» и «эмоцио», не одержала верх, уравнивает их силы, фокусируя страсти, чтобы направить их по ложному пути?

* * *

Существует только форма, пустая, в смысле – без «помещенного в ней» содержания. То, что называют содержанием, есть поток, траектория изменения формы, след, оставляемый в языке или в образе изменением формы.

* * *

Проблема неравенства: совместимы ли принципы «экономической свободы» (деятельности, собственности) и «благополучия для всех»? Проблема собственности: совместимы ли принципы «свободы экономической деятельности» и «свободы собственности»? Проблема государственного вмешательства: ограничение свободы граждан есть расширение свободы чиновников. Вопрос в пропорции – что больше.

* * *

Нормально-активная человеческая жизнь возможна лишь благодаря тому, что основная часть наших действий регулируется бесчисленными «автопилотами», помимо сознания, которое им только помешало бы.

Старость есть фаза жизни, когда эти автопилоты начинают отключаться и приходится все чаще осуществлять управление «вручную», напрягая сознание; увы, явно недостаточная замена... Потому старикам всегда не хватает времени – они все делают медленнее, не столько из-за физической слабости, а главным образом из-за неизбежной замедленности ручного управления по сравнению с автопилотами. Но «зонтик» защитных приспособлений в целом держится до последнего мига, когда он внезапно исчезает. И не надо искать причины – ее нет. Это конец события, называемого человеческой жизнью. Это и есть смерть. Болезнь способна измучить, но не убить. Или, может быть, лучше сказать так: любая болезнь, даже вроде бы неопасная, способна убить – но только когда ей позволят это сделать. При наличии «зонтика» автопилотов она бессильна.

* * *

Содержать рыночную экономику (с ее колоссальными транзакционными издержками) может позволить себе только богатое общество. Содержать рыночную экономику с государственным регулированием может позволить себе только очень богатое общество. Разве нельзя говорить об определенном типе

экономики, что он «дорог» или «дешев», и соотносить его стоимость с ресурсами, которыми располагает данное общество?

Рыночная экономика основана на добровольной обменной сделке частных лиц. Свобода действий (в данном случае в экономической плоскости) – это благо, но ведь оно не обходится даром. Принуждение – это ущерб с точки зрения отдельного лица, но разве не избавляет оно от необходимости оплачивать свободу?

Обычно рассуждают прямо противоположным образом. Свобода действий – это, как воздух, даровое благо, которое само по себе ничего не стоит, но приносит экономические плоды. А если и стоит, то меньше, чем дает. Поэтому инвестиции в рыночные институты – экономически выгодный проект. Принуждение же невыгодно, потому что оно само по себе дорого (содержание аппарата принуждения) и малоэффективно с точки зрения большинства общественных задач, за исключением немногих, не говоря уже о том, что оно отнимает у частных лиц такую несомненную ценность, как свобода действий, возможность выбора.

Либерализм как экономическое учение приписывает себе заслугу научного доказательства того, что свобода есть не только социальное, «гуманитарное», благо, но и важнейший ресурс в руках частных лиц, от использования которого экономически выигрывает и все общество. Следовательно, богатым может быть только общество, располагающее экономической свободой. Даже если учитывается, что этот ресурс стоит дорого, калькуляция связанных с ним затрат и результатов выводится с заведомо положительным балансом. Даже если признается, что между издержками и отдачей экономической свободы пролегал более или менее продолжительный период времени, наполненный жертвами и тяготами неимущих классов, и что выдержать его способно лишь общество, располагающее определенным запасом экономической прочности, накопившее некоторый жирок (как, к примеру, Западная Европа к началу капиталистической эры), то все-таки движение к экономической

свободе выдается как единственно возможный и универсальный путь к благосостоянию.

При этом экономическая свобода накрепко связывается с частной собственностью. Частная собственность – это единственный ограничитель экономической свободы, который необходим и допустим. С другой стороны, частная собственность (присвоение) – это естественный мотив экономической свободы. А государство предстает как минимальное ограничение экономической свободы, необходимое для защиты частной собственности. Поэтому идеальное государство есть государство всемирное. У него нет рубежей, которые стесняют экономическую свободу и, требуя защиты, побуждают к расширению функций власти за пределы «естественного минимума».

Этими немногими понятиями и программными установками исчерпывается система либерализма. Лучшей системы для партии, выступающей от имени всей экономики – но только экономики, экономики как одной из функций общественного организма, – и быть не может. Либерализм прав как наиболее последовательное выражение замысла, суть которого – полное поглощение общества экономикой, тотальная экономика как вариант тоталитарного общества. Либерализм прав, утверждая, что такое поглощение возможно. И не только возможно в принципе, но и весьма вероятно как продолжение и завершение уже существующей линии развития группы западных стран.

* * *

Мысли рождаются абсолютно уникальными. Под общий ранжир их подгоняет родитель – обезьяноподобное существо со страстью к переимчивости и «интеграции».

Но за свободой слова в действительности стоит его резкое обесценение, а за исчезновением очередей за товарами – их резкое удорожание.

* * *

Я по сути своей человек-дерево. Откликаюсь на события только шевелением листоч-

ков, но не двигаясь. Меня можно пересадить в горшок, на другую почву. Я болею. Привыкаю (до сих пор привыкал). Если мне чего-то хочется, жду, когда это «что-то» подойдет близко, придвинется, и не способен на большее, на какие-то активные действия. Я всегда хотел покоя, только покоя, внешней неподвижности. Я всегда хотел только одного – молча и неподвижно читать книги, молча и неподвижно думать о чем-то. То, что мне кажется моей повышенной отзывчивостью, это отзывчивость дерева. Дерево чутко реагирует на перемены ветра, шелестит листочками. Но – не движется.

* * *

Однажды пережил минуту хорошего ощущения смерти. Я лежал на кровати, гостившая у меня внучка чем-то занималась за столом, было тихо и на редкость покойно. Не мысль, а именно ощущение мира без меня, совсем без меня, без единого моего следа, как сомкнувшаяся вода над головой с просвечивающим солнцем. Ощущение неожиданно светлое, даже радостное. Мысль зашевелилась чуть позже – может ли такое быть, если умираешь не в тишине и душевном покое, а в физических страданиях и страхе перед болью и близким концом?

* * *

«Тайная миссия» науки – держать мысли людей под контролем. Например, собираются для того, чтобы в очередной раз удостовериться, что все думают одинаково. Любопытство и любознательность, возможность отметить на людях, показаться на глаза начальству, переговорить по делам – эти мотивы второстепенны.

Считается, что творческого человека будто кто-то все время подталкивает под руку, ему хочется выразиться не только в своем обычном занятии. Увы! Или в науке можно преуспеть, не будучи творческим человеком? Наверное, так – большинство выполняет не творческую, а противоположную ей охранную (сохранения общего видения мира) функцию науки, тоже очень трудоемкую и требующую немалой изощренности.

* * *

Беседуя на лабораторных посиделках на отвлеченные темы философии науки, вспомнил цитату из только что прочитанного Уайльда (De Profundis): «Теперь мы уже знаем, что видим не глазами и слышим не ушами. Они – всего-навсего органы, точно или искаженно передающие наши ощущения. Только в нашем мозгу мак алеет, яблоко благоухает и жаворонок звенит». Мир существует только для нас. Только для нас он закономерен и имеет устойчивые формы. В себе и для себя он не нуждается ни в каких законах и формах, как и в том, чтобы быть в себе и для себя.

«Самостоятельный поступок – вот что реже всего встречается в человеке». Уайльд цитирует Эмерсона, развивая мысль, что Христос был величайшим индивидуалистом. Это одна из центральных его тем. По Уайльду, и социализм ценен именно своей возможностью расцвета индивидуализма. Не используя эту возможность, он становится особенно опасен.

* * *

Профессионализм в экономике как науке – по-моему, это умение извлекать достаточно надежные факты – цифры, сведения о поведении, об изменениях законодательных норм в конкретных областях, об «устройстве» экономических институтов – и работать с ними. Остальное – либо не экономика (а, скажем, математика), либо дилетантизм, т.е. просто развлечение, хотя и небесполезное.

* * *

Понятие самодержавия адресуется не только власти, другой его полюс – это общество, стелющееся под власть, утилизирующее власть в своих частных разборках или не принимающее власть как таковую, т.е. отдающее ей свое жизненное пространство без боя.

* * *

Какой смысл имеет моя деятельность по писанию всяческих текстов? Главное – что-то изобрести, как-то поярче что-то сформули-

ровать. Боженька услышит, умилился (или возмутится – в общем, его как-то проймет) и, глядишь, вмешается в ход вещей, причем не обязательно в соответствии с моими фантазиями, может быть, как раз наоборот, что-то сделает по-своему – у него свое в голове. А ему-то все доступно, плевать он хотел на обстоятельства, причины и следствия, объективные законы и игру людских интересов. Мое творчество имеет шанс включить в действие высшие силы, вот и весь смысл моей деятельности – испытать этот шанс. У гениев этот шанс действительно реализуется. Но они потому и гении, что получилось. А пока они только творят, выкидывают какие-то коленца, они еще не гении, а обыкновенные люди.

* * *

Страх общества перед безработицей – своего рода атавизм, рудиментарное переживание действительно ужасного социального зла, каким было аграрное перенаселение; у западного человека к этому прибавилось историческое воспоминание о мировом экономическом кризисе между великими войнами XX в. Мальтузианское давление на средства существования, когда оно достигает невыносимой остроты. Если за «безработицей» стоит именно это, тогда разговор один. Если же безработица – оборотная сторона комфорта западной экономики, ведь черновой работы «для иностранцев» в ней всегда в избытке, или выражение структурной несостыкованности систем социализации (включая образование) и рабочих мест или, как в России, безработица выступает как формально бездеятельное состояние больших масс людей, активно и не без успеха изыскивающих средства к существованию за пределами официально признанной системы рабочих мест, тогда, очевидно, проблема должна стоять иначе и на несколько тонов ниже. Схожие мысли можно найти у Мюрдаля в его «Драме Азии».

* * *

Методы обоснования экономической политики и научная теория суть принципи-

ально разные вещи. Для второй важно единство основания, для первых – прагматизм выводов, здравый смысл, неизбежно прибегающий к разным основаниям и примиряющий их. Вальрас, теоретик общего равновесия, в экономико-политическом плане был «аграрным социалистом», как и Г. Джордж, еще раньше – Д.-С. Милль, выступая за изъятие рентных доходов у землевладельцев в пользу общества. С другой стороны, Адам Смит ухитрился выстроить две экономические теории из диаметрально противоположных оснований, выводя экономические явления в «Теории нравственных чувств» из постулата альтруистичности человеческого поведения, в «Богатстве народов» (вышедшей позднее) – из постулата своекорыстного эгоизма. Для чисто теоретических конструкций это вполне допустимо. Что касается практической политики, онавольна черпать свои выводы из разных теоретических источников в зависимости от того, абстрактные предпосылки какой из них ближе всего подходят к существованию конкретной задачи и чертам конкретной ситуации.

* * *

Недостаток воображения отличает механистический стиль «новых русских» в экономической науке и объясняет, хотя бы отчасти, их радостную готовность к роли неофитов западной экономики, миссионерствующим в заблудшей России.

Я за принципиальное неприятие любых попыток «экономической» теории государства, представляющей его игроком реального или воображаемого рынка, и ее применения в теории публичных финансов, экономической и социальной политики. Государство, если оставить в стороне его участие в гражданском обороте, трансцендентно гражданскому обществу, основанному на контракте. Налог (в чистом виде, не смешиваясь с доходом от госимущества) выступает как экономическая реализация публичной власти. Монополия на принуждение – единственное и конечное ее основание, и отношению между государством и налогоплательщиком нельзя вменить

свойства обмена полезностями. Развивая эту общую установку, можно предложить гипотезу о некоем «g-факторе», связанном с существованием государства и необходимым для нормального функционирования общественного организма в целом. Понижение этого фактора до критически низкого уровня приводит к быстрому разрушению общества. Не в этом ли причина неожиданного краха государств, таких как Советский Союз, казалось бы, обладавших запасом прочности если не на века, то на десятилетия?

* * *

Выплыли с В. Зотовым на интересный разговор о либерализме. Начался он с моего заявления, что, прочитав Фернандо де Сото, я стал либералом. Экономический либерализм я понимаю как доктрину, выступающую за отмену привилегий в доступе к ресурсам, как антитезу «меркантилистской» системе, где государство выступает как орудие формирования привилегий и их перераспределения между борющимися между собой «перераспределительными синдикатами» (де Сото). Зотов на это возразил, что, напротив, подлинный либерал – это барин, готовый частично поделиться своими привилегиями с неравными себе, но ни в коем случае не отказывающийся от них полностью. Русский язык, соединяющий образ либерала с образом барина, точно улавливает подлинную суть дела. Продолжая тему, я размышлял о том, что идеал экономической демократии, общества частной инициативы, свободы самоустроения жизни плохо совместим с существованием современных хозяйственных организаций-монстров, недемократичных внутри и достаточно сильных, чтобы выжимать из государства привилегии для себя. И еще: непонятно, как свободное предприятие сопряжено с дорогими мне ценностями коллективизма. Зотов на это ответил, что экономическая свобода является необходимым условием «лучезарного», а не мрачно-жественного и принудительного коллективизма, но, конечно, условием не достаточным. Нужно еще что-то (что?), без чего свободное

предпринимательство действует, как кислота, разлагая архаические формы коллективизма, но не давая ничего взамен.

* * *

Читаю отдельные места у Бокля (странно, что прочесть его целиком, от начала до конца, мне ни разу не захотелось). Весьма яркое описание зловещей роли протестантской церкви в истории Шотландии XVI–XVII вв. Возглавив борьбу за независимость против Англии, шотландская церковь приобрела безоговорочное доверие в народе и воспользовалась им для установления жесточайшего диктата над местным обществом (впечатляющий исторический прецедент для оценки тоталитарных систем XX в.). Как мало подходит картина, рисуемая Боклем, для иллюстрации «капитализирующей миссии» протестантской этики! Чтобы убедить человека в необходимости неусыпной опеки над ним, лучше всего его как следует напугать и вбить ему в голову, что никакое предприятие в этой жизни не является ни чистым, ни надежным. Какой уж тут дух капитализма... Впрочем, и аргументы М. Вебера не так поверхностны, как это обычно выглядит в ссылках на его книгу. Беспрецедентным засильем церкви Бокль объясняет контраст между бурным развитием торговли и промышленности в Шотландии и убожеством духовной жизни народа. С другой стороны, поскольку шотландская церковь в политической (антианглийской) сфере была диссидентствующей церковью, эта сфера и стала той отдушиной, где проявился дух рационалистической критики и где Шотландия дала миру высочайшие образцы – Д. Юм и А. Смит. Но власть церкви не могла не отразиться на методе, выбранном обоими этими гигантами, методе преимущественно дедуктивном. Духом дедукции проникнуты обе главные работы А. Смита – «Теория нравственных чувствований» и «Богатство народов». Если первая выводит мир человеческих поступков и общественных явлений из предпосылки сочувствия как доминирующего свойства человека, то вторая – из прямо противоположного

начала, из своекорыстия, извечного эгоизма человеческой натуры.

* * *

Хорошо бы срежиссировать коллективную беседу на какую-нибудь научную тему в духе джазового концерта. Партнеры выются вокруг главной линии, то уходят от нее, импровизируя каждый в отдельности на первом плане, то, как бы отступив все разом в глубинную площадку, соединяются в унисон – и мощная, слитная кода с общим выходом вперед... Наверное, не только в джазе открывается красота пульсации «раздельное – слитное», восторг возвращения к партнеру... А может быть, такая пульсация есть общее свойство ритма всего живого в этом мире?

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В ПОЗНАНИИ И РЕФОРМИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ

В.Е. Дементьев

Только страсти – и только великие страсти могут поднять душу до великих дел. Без них конец всему возвышенному, как в нравственной жизни, так и в творчестве... Умеренные страсти – удел заурядных людей.

Д. Дидро

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Анализ того, в какой мере экономическая теория учитывает эмоциональную (от лат. *emoveo* – потрясаю, волну) составляющую экономического поведения, эмоциональные факторы принятия решений, показывает, что, несмотря на возросшее внимание экономистов и социологов к теме эмоций (см., например, (Yu, Zhou, 2007; Irons, Hepburn, 2007; Liu, Wang, 2009; Oliver, 2009; Goodenough, 2008; Fuchs, 2007; Merkle, 2007)), оно остается недостаточным. Между тем в сферах, связанных с инновациями, неопределенностью, необходимостью принятия решений в условиях явного недостатка когнитивных и временных ресурсов, эмоциональный фактор принятия решений часто является доминирующим. Соответственно для таких областей поиск возможностей учета этих эмоций ключевой (Калмыкова, Юдкевич, 2006).

© Дементьев В.Е., 2015 г.